

СИМОНА

ДЕ БОВУАР

СЛОМЛЕННАЯ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б72

Simone de Beauvoir

LA FEMME ROMPUE

Copyright © Éditions Gallimard, Paris, 1967

Книга выпущена в сотрудничестве
с арт-группой «Малышки 18:22»

Бовуар, Симона, де.

Б72 Сломленная / Симона де Бовуар ; [перевод с французского В. Гришановой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с.

ISBN 978-5-04-197699-6

Три новеллы легенды французской литературы и философии Симоны де Бовуар – отрезвляющий коктейль Молотова для общества, закрепощенного предрассудками и равнодушием. Яростные и честные монологи героинь, поставленных к стенке обстоятельствами, возрастом и чувством долга, бьют словами в самое сердце.

«Люди не терпят, когда им высказывают правду в глаза. Они хотят, чтобы мы верили их красивым словам или хотя бы притворялись. Я сама не ношу маску и срываю маски с других».

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Гришанова В., перевод на русский язык,
2025

© Оформление, издание на русском
языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-197699-6

Симона де Бовуар написала серию мемуаров, в которых рассказывает о своей жизни и творчестве. Четыре тома были опубликованы в период с 1958 по 1972 год: «Воспоминания благовоспитанной девицы», «Сила возраста», «Сила обстоятельств», «Все учтено»¹, а также в 1964 году была опубликована книга «Очень легкая смерть». Обширное эпистолярное наследие максимально полно отображает противоречивую натуру писательницы, которая любила простые женские радости, но в то же время не мыслила своей жизни без писательского труда. Она умела наслаждаться жизнью, но порой тяготела к аскетизму, видя в нем спасение своей души. Создание мемуаров стало своеобразной попыткой разрешения внутренних противоречий.

Симона де Бовуар родилась в Париже 9 января 1908 года, среднее образование получила в католической школе «Кур Дезир». В 1929 году писательница окончила философский факультет Сорбонны и до 1943 года преподавала в разных городах Франции: Марселе, Руане и Париже. Сборник рассказов «Главенство духа»² был завершён задолго до начала

¹ На русском языке часть *Tout compte fait* не публиковалась.

² На русском языке сборник *Quand prime le spirituel* не публиковался.

Второй мировой войны, но опубликован только в 1979 году. Книгу «Гостя» (1943) следует считать настоящим литературным дебютом Симоны де Бовуар. За ней последовали романы «Чужая кровь»¹ (1945), «Все люди смертны» (1946), «Мандарины», удостоившийся Гонкуровской премии в 1954 году, «Прелестные картинки» (1966) и «Сломленная» (1968).

Помимо знаменитой книги «Второй пол» (1949), ставшей настольной для феминисток всего мира, научные работы Симоны де Бовуар включают многочисленные философские и полемические эссе, такие как «Привилегии» (1955), позже переизданное под заглавием «Нужно ли сжечь маркиза де Сада?», и «Старость» (1970)². Кроме того, писательница создала несколько произведений для театра — пьесы «Лишние рты» (1945), «Америка день за днем» (1948) и «Долгий путь» (1957)³. В основе последних двух лежат впечатления от собственных путешествий писательницы.

После смерти Сартра Симона де Бовуар опубликовала монографии «Церемония прощания» (1981) и «Письма к Кастору»⁴ (1983), в которых собраны многочисленные письма, полученные ею от Сартра. До самой своей смерти 14 апреля 1986 года писательница активно сотрудничала с журналом «Новые времена» (*Les Temps Modernes*), основанным ею и Сартром, и активно поддерживала феминистическое движение.

¹ На русском языке роман *Le sang des autres* не издавался.

² На русском языке эссе *La Vieillesse* не издавалось.

³ На русском языке пьесы не издавались.

⁴ На русском языке указанные монографии не издавались.

ВОЗРАСТ БЛАГОРАЗУМИЯ

Мои часы остановились? Нет. Но стрелки как будто замерли. Я не смотрю на них. Стараюсь думать о чем-нибудь другом — о чем угодно, лишь бы скорее остался позади этот день, спокойный и привычный, несмотря на суету ожидания.

Я просыпаюсь с умилением. Андре с завязанными глазами свернулся калачиком на кровати и совершенно по-детски уткнулся рукой в стену, как будто искал опору, испугавшись чего-то во сне. Я присела на край кровати и положила руку ему на плечо. Он отодвинул повязку, растерянно улыбаясь.

— Уже восемь часов.

Я отнесла поднос с завтраком в библиотеку и взяла книгу, которую получила накануне и успела прочесть уже наполовину. Все эти разговоры о необщительности — полный вздор. Если человек действительно хочет общаться, ему ничто не помешает. Разумеется, не со всеми, а с двумя-тремя близкими. Порой я скрываю от Андре свое настроение, свои печали и мелкие неприятности. Конечно, и у него есть маленькие секреты, но в целом мы хорошо знаем друг друга. Я налила в чашки очень горячий, очень черный китайский чай. Мы пили его, просматривая почту; июльское солнце заливало комнату. Сколько раз мы сидели лицом

друг к другу за этим маленьким столиком, перед чашками с очень горячим, очень черным чаем? И еще будем сидеть завтра, и через год, и через десять лет. Тот миг соединил в себе сладость воспоминания и радость будущего. Сколько же нам было лет, тридцать или шестьдесят? Андре рано поседел, но его белые, как снег, волосы только подчеркивали красоту свежего, еще совсем юного лица. Он и сейчас не постарел. Кожа огрубела и потрескалась, но сияющие глаза и улыбка остались прежними. Годы идут, но Андре не меняется. Мне кажется, он будет вечно молодым. Мы прожили долгую жизнь, в которой было все — смех и слезы, гнев и жаркие объятия, обида и долгое молчание, откровенные признания. Но порой кажется, что все это было совсем недавно. Будущее бесконечно. А прошлое порой воскресает в нашей памяти.

— Хорошо тебе поработать, — сказал он мне.

— Тебе тоже.

Бывают периоды, когда человек топчется на месте; и он смиряется с этим не так легко, как раньше. Я открыла окно. В Париже пахло асфальтом и грозой, и этот запах немного разбавил прохладой томительный летний зной. Я проводила Андре взглядом. Наверное, именно в эти моменты, когда он уходит, я сильнее всего ощущаю его присутствие: высокая фигура постепенно тает вдаль, но я знаю, что он вернется; и вот он исчезает из вида. Улица пустеет, но я знаю: он этой же дорогой вернется обратно. Здесь его дом, его стихия. Я абсолютно уверена в этом, и эта уверенность даже важнее его физического присутствия.

Я долго сидела на балконе. С высоты шестого этажа Париж был виден как на ладони. Я смотрела на голубей, парящих над шиферными крышами, и на дымовые трубы, ко-

торые напоминали цветочные горшки. Строительные краны красного и желтого цвета были похожи на молящихся людей, воздевших к небу свои железные руки. Пять, девять, десять — я насчитала десять штук. Вдруг мой взгляд наткнулся на высокую стену, сплошь покрытую крошечными отверстиями, — только что построенное здание. Видела я и башни в форме пирамид, и новенькие небоскребы. Когда же бульвар Эдгара Кине успел превратиться в автостоянку? Кажется, совсем недавно, но я уже не помню его другим. Конечно, можно открыть фотоальбом, чтобы сравнить старые снимки со случившимися переменами, и сильно удивиться, но мне не хочется этого делать. Мне нравится жить настоящим и смотреть, как меняется мир; я привыкаю к этим изменениям так быстро, что порой совсем не замечаю их.

На столе лежали папки и белая бумага, напоминающие о том, что пора браться за работу. Но хоровод мыслей в голове никак не давал сосредоточиться. Сегодня вечером должен прийти Филипп. Мы почти месяц не виделись. Я зашла в его комнату, где до сих пор оставались его вещи — книги, бумаги, старый серый свитер и пара фиолетовых пижам. Я так и не решилась сделать в ней ремонт. Во-первых, не было ни времени, ни денег. Во-вторых, мне не хотелось верить в то, что мы с Филиппом стали чужими друг другу людьми. Я вернулась в библиотеку. Там благоухал большой букет роз — ярких и юных, словно первая весенняя зелень. Теперь эта квартира уже не казалась мне пустынной. Все было как прежде. Я с любовью смотрела на знакомые подушки ярких и нежных цветов, разбросанные на диванах. Польские фарфоровые куклы, словацкие фигурки разбойников и португальские петушки сидели на своих местах. В голове мысли: «Филипп вернется сюда. Если мне вдруг

станет грустно, можно и поплакать. Но как же непросто совладать с этим радостным нетерпением».

Мне захотелось вдохнуть запах лета. Выйдя на улицу, я увидела, как рослый негр — алжирец с кожей, по цвету напоминающей стену, — в синем макинтоше и серой фетровой шляпе спокойно подметает тротуар. На бульваре Эдгара Кине я смешалась с толпой гуляющих. Я редко выхожу на улицу по утрам, поэтому рынок — необычное зрелище для меня (в это время здесь всегда бойко идет торговля, в любую погоду). Маленькая старушка неспешно прохаживалась от прилавка к прилавку. Откинув голову назад, чтобы кудри не лезли в глаза, она крепко сжимала ручки своей пустой хозяйственной сумки. Раньше я никогда не обращала внимания на стариков. Они казались мне живыми трупами. Теперь я вижу в них мужчин или женщин чуть старше меня. На эту старушку я обратила внимание, когда она попросила у мясника немного обрезков для кошек. «Какие там кошки! — воскликнул мясник, когда она ушла. — Нет у нее никаких кошек. Она сварит эту похлебку себе». Мяснику это показалось забавным. Вскоре старушка уже выбирала отбросы под прилавками, пока рослый негр не смахнул их в ручей. Таких людей, живущих на сто восемьдесят франков в месяц, более миллиона. А еще три миллиона человек живет вообще за чертой бедности.

Купив цветов и фруктов, я решила прогуляться по городу. Старость — закат жизни. Меня всегда пугало это слово. А еще пугало большое количество свободного времени. Но я зря боялась. Несмотря на полную свободу действий, я стараюсь не тратить время зря. К тому же это так здорово — жить без инструкций и ограничений. Но иногда я впадаю в ступор и тогда вспоминаю свою первую долж-

ность и первую работу. Помню хмурую осень в провинции и грустный шелест опавших листьев по дороге на службу. Тогда день выхода на заслуженный отдых, от которого меня отделял промежуток времени вдвое дольше, чем вся предыдущая жизнь, казался мне нереальным, как смерть. И вот я на пенсии. В моей жизни были и другие важные периоды, но их границы представляются мне смутными и размытыми. А день выхода на пенсию я не забуду никогда.

Я вернулась домой, села за свой стол, но не работала, даже это радостное утро показалось мне скучным. Около часа дня я решила накрыть на стол. До этого есть совсем не хотелось. Наша кухня была точь-в-точь похожа на бабушкину. Мне резко захотелось снова увидеть Мийи. Сразу вспомнилась бабушкина кухня с большим обеденным столом и лавками, медной посудой, балочным потолком. Только у нас вместо чугунной плиты стояла газовая, а еще — холодильник «Фриджидер». (Интересно, когда холодильники этой марки впервые появились во Франции? Я купила его десять лет назад, но тогда они уже были широко распространены. Когда же их впервые завезли сюда? До войны? Или сразу после нее? Это одна из тех вещей, которые я не могу вспомнить.)

Андре вернулся поздно. Выходя из лаборатории, он предупредил меня, что сегодня участвует в совещании по поводу забастовок. Я спросила:

— Как все прошло?

— Мы разработали новый манифест. Но я не питаю иллюзий по поводу него. Он не будет иметь большего влияния, чем предыдущие. Французам на все плевать. На угрозу войны, на ядерную бомбу, в целом — на все. Порой мне хочется все бросить и уехать куда-нибудь подальше — на

Кубу или в Мали, например. В самом деле, это моя мечта. Возможно, там я наконец принесу пользу обществу.

— Ты больше не сможешь работать.

— Но я не сильно расстроюсь от этого.

Я поставила на стол салат, ветчину, сыр и фрукты.

— Ты и правда не знаешь, что делать? Это какой-то замкнутый круг.

— Да, бесконечный бег по кругу.

— Хочешь сдатьсь?

— Ты просто не понимаешь.

Он часто говорит мне, что его коллеги фонтанируют новыми идеями, а он сам уже слишком стар, чтобы что-либо изобретать. Но я не верю ему.

— Понятно! Вот о чем ты думаешь, — сказала я. — Нет, ни за что не поверю.

— И напрасно. Последний раз мне приходили в голову интересные мысли пятнадцать лет назад.

Пятнадцать лет назад. Самый длительный творческий кризис. Но на данном этапе ему, вероятно, нужно сделать паузу, чтобы найти новый источник вдохновения. Мне вспоминаются стихи Валери:

*В каждом атоме молчанья —
Обещанье стать плодом!¹*

И это медленное созревание порой приносит неожиданные плоды. Это еще не конец, это всего лишь захватывающее приключение, в котором я главная героиня: сомнения, неудачи, томительное ожидание, а потом — проблеск

¹ Стихотворение французского поэта Поля Валери в переводе С. Шервинского.

света, надежда и обретение истины; после недель и месяцев тревоги — успех и ликование. Я мало что понимала в работе Андре, но моя упрямая уверенность была большой поддержкой для него. Я по-прежнему в него верю. Почему же я больше не говорю ему об этом? Я боюсь самой мысли о том, что больше никогда не увижу в его глазах бурную радость от нового открытия. Я сказала ему:

— Возможно, у тебя скоро откроется второе дыхание.

— Но мне это уже не нужно. В моем возрасте человек мыслит стереотипами и не может придумать ничего нового. Возможно, ты сама сделаешь великое открытие, отпраздновав семидесятилетний юбилей.

— Обязательно! А ты, оказывается, оптимист.

— Зато ты пессимистка!

Мы рассмеялись. Но ничего смешного здесь нет. Андре напрасно настроен так пессимистично. Ему просто нужно взять себя в руки. Да, в трудах Фрейда действительно говорится о том, что в определенном возрасте человек теряет творческое мышление, и это очень обидно. Но когда Фрейд это писал, он был намного старше, чем Андре сейчас. И все-таки я расстроена его беспричинной хандрой. Возможно, дело в том, что сейчас Андре переживает кризис. Удивительно, но он до сих пор не смирился с тем, что разменял седьмой десяток. Мне по-прежнему все на свете интересно, а ему — нет. Раньше он был легок на подъем, а теперь мне очень сложно выгащить его в кино, на выставку или в гости к друзьям.

— Жаль, что ты перестал ходить на прогулки, — сказала я. — Сейчас такая хорошая погода! Вот я бы, например, очень хотела вернуться к Мийи и снова посетить лес Фонтенбло.